

Не отмыть

Она моет полы каждый день в четырнадцать тридцать.
Иногда она не может остановиться:
Моет двери, обои и зеркала.
Время тянется вязкое, липкое, как смола.
Всё бы было иначе, если б она смогла.

Она думает: «Я обычная, всё как надо.
Я молюсь и знаю, будет и мне награда.
А что грех—так ведь у каждого есть грешок:
Сбитый пёс, зарубленный петушок...
Вот сейчас помою пол,
И всё будет хорошо».

На руках волдыри и кожа совсем истерта.
Её комната безупречна и распостёрта.
Она ждёт и другую жизнь рисует себе в ночи.
Но приходит утро и с ним приходят врачи.
Её лечащий смотрит холодно и молчит.

Главный выбрит и деловит, но слегка простужен.
Его голос хрипит, что ей становится хуже:
«К сожалению, этот курс прошли безуспешно.
Нужно действовать осторожно и даже нежно».
А потом добавляет:
«Чисто у Вас, конечно».

Автобус

В детстве я, конечно, хотела стать взрослой.
И вот как это видела:
Я большая и могу сама сесть в автобус
(кажется, взрослость у меня равнялась свободе),
уехать куда захочу.
Или в троллейбус.
Представляла себе,
как еду одна куда-то,
смотрю в окно,
думаю о своих взрослых делах.
Я ждала, когда же придёт этот момент.

И вот я выросла.
Взрослее некуда.
Я езжу на автобусах и на троллейбусах,
на метро и на такси,
на поездах и на самолётах...
И в начале каждого пути,
когда я сажусь в кресло,
всегда хочу к маме.

От сидения в комнате ноет и жмёт ребро.
Снегопад. У неба вывернуто нутро.
Люди прячутся в землю, в душашщее метро—
От стихии к тверди.

И хочу я крикнуть каждому: нет, постой!
Лучше уж в метели стонущей и густой.
В этой жизни, пусть печальной и непростой,
Слишком много смерти.

Ночь воробьи взметнули.
В звёздах двор до краёв.
Точит мой разум пуля—
Прерванный Гумилёв.

Где-то в чужой России
Бродит его душа,
С силою и в бессилье
Ужесточая шаг.

Где-то курок взведённый
Власть комаром скрипит,
Где-то графин бездонный
Бьётся о кафель плит.

Полубожок-политик—
Жертва своей возни—
Варит яд-паралитик
И за стихи казнит.

Дождь прошивает спины.
Холод в руках мужчин.
И неземной глубинный
Гул из пустых лощин.

Вытоптали, швырнули
Ветошью мокрой в ил.
Точит мой разум пуля:
Кто-то её отлил...

Выдох предсмертный лета
Красным оставил свет.
Это ли смерть поэта?
Имя его—ответ.

Письмо

Как ты там, бабушка? Строгий у вас надзор?
Что у тебя за комната? Вас там двое?
Я поливаю цветы, но—такой позор—
Всё не займусь балконом и не помою.

Много гуляешь? Думаешь обо мне?
Может, совсем забылась, повеселела?
Вот бы побольше солнца и тёплых дней!
Здесь неуютно, там же—другое дело:

Небо и воздух—сущая красота.
Я тут нормально, чищу то нож, то вилку,
Вазы помыла, очень скупаю, да...
Скоро ещё схожу на твою могилку.

Оставив здесь такие важные дела,
Свои ключи, пальто и два сервиза,
Ты как-то неожиданно ушла
Под колокольный звон и телевизор.

И пустота отгрызла день и свет.
Не голуби теперь, а птицы-плачи.
Вот дом, казалось бы, но дома нет.
Помолимся, и будем жить иначе.

Звоню тебе. И снова—ничего.
Ушла (и путь, конечно, был безлюден),
Чтоб где-то там взять за руку его,
А больше и не нужно никого.
Будь счастлива.
А мы уже не будем.

Последний воздух

Возьми меня, саксофонист,
на свою планету.
Там объяснишь мне свою музыку
и где начинается звук.
Громкие твои чувства нас связали
нитьями через столики
сумрачного кафе.
Кому бы ни была написана песня эта...
О ком ты молчал, но выдувал тоску...
Её больше нет—есть только мы трое:
Ты, я и твой золотой саксофон.

Ещё сегодня я была другою.
День мой пережевала работа,
чёрная и не знающая побед.
Длинный безлюдный вечер
и молчаливый ужин.
Душный ветер в окно. Никакого сна.

Ты играешь трепетно свою душу.
Я наконец-то вижу себя живой.
Вижу свои руки, плечо, волосы...
Твой саксофон дарит вторую жизнь.
Эта любовь мне. Мне этот зов, счастье.
Через мгновение ты замолчишь. Снова
я постарею, рассыплюсь и всё заболит.

Ты набираешь воздух последний раз.
Есть ведь ещё секунда, звук, отдающий нежность...
В этот конечный миг, в обречённость его
Возьми меня с собой,
саксофонист.